

Европейское наступление Пекина — тактика или стратегия?

© 2014

А. Виноградов

Автор рассматривает внешнюю политику Китая на европейском направлении, где с начала 2014 г. Пекин демонстрирует небывалую активность. Особое внимание уделено состоявшемуся в марте визиту в страны ЕС Председателя КНР Си Цзиньпина и прошедшему в июне визиту в Великобританию и Грецию премьер-министра Госсовета КНР Ли Кэцзяна. Сделан вывод о том, что китайское «весеннее наступление» в Европе является ответом на активизацию политики США в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Ключевые слова: Китай, Европейский Союз, внешняя политика, Си Цзиньпин, Ли Кэцзян.

Первая половина текущего, 2014 г. характеризовалась небывалым подъемом внешнеполитической активности нового руководства КНР на европейском направлении. С декабря 2013 г. по начало июля 2014 г. состоялось более десятка визитов и встреч на высшем уровне. В Пекине побывали премьер-министр Великобритании, президент Франции, премьер-министр Италии, канцлер и вице-канцлер Германии, президент Португалии, президент Болгарии, премьер-министр Венгрии, президент Хорватии и другие европейские лидеры. Высшие руководители КНР, в свою очередь, трижды посетили Европу, наряду с поездками Си Цзиньпина в марте и премьер-министра Госсовета Ли Кэцзяна в июне. В качестве визитов представителей китайского руководства в Европу упоминают также поездку члена ПК Политбюро ЦК КПК Лю Юньшаня, состоявшуюся незадолго до визита Ли Кэцзяна¹).

Визит Си Цзиньпина

Особое внимание комментаторов привлек, разумеется, 11-дневный европейский вояж генерального секретаря ЦК КПК, Председателя КНР Си Цзиньпина, который посетил четыре европейские страны, а также штаб-квартиры ЕС и ЮНЕСКО.

Для визита, который можно считать поистине беспрецедентным, были выбраны Германия — основной партнер КНР в Европе (на нее приходится треть китайско-европейской торговли), Франция — традиционный партнер, с которым Китай связывает давняя и очень непростая история отношений (к тому же в 2024 г. исполняется 50 лет установления дипломатических отношений между двумя странами: Франция была первой западной страной, установившей отношения с коммунистическим Китаем), Бельгия (где расположена штаб-квартира ЕС), а также Голландия, имеющая давнюю историю взаимоотношений с Китаем и второй после Германии объем двусторонней торговли с ним. При этом китайские комментаторы особенно подчеркивали, что это — первый за 8 лет

Виноградов Андрей Олегович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: vinangr@mail.ru.

визит председателя КНР в Германию, первый в истории визит на данном уровне в штаб-квартиру ЕС, первый подобный визит в Голландию и первый за 27 лет визит председателя КНР в Бельгию.

Неординарность визита заключалась в том, что за отношения с Европейским союзом в Пекине традиционно отвечает не председатель КНР, а премьер Государственного Совета. Так было во время правления предыдущего, поколения китайских руководителей (Ху Цзиньтао — Вэнь Цзябао), та же традиция сохранилась и после прихода во власть нынешнего, пятого поколения руководителей КНР. Но на этот раз бремя активизации китайской внешней политики на европейском направлении взял на себя непосредственно главный руководитель КНР, что объясняется, по-видимому, целым рядом причин, связанных как с особенностями текущей международной ситуации, так и стилия нынешнего китайского лидера.

Впрочем, для визита существовал и формальный повод — Си Цзиньпин поехал в Европу, чтобы представить на саммите по ядерной безопасности в Гааге новую китайскую концепцию ядерной безопасности. Попутно он провел там серию встреч с лидерами различных стран, в том числе с приехавшим на саммит президентом США Обамой и президентом Казахстана Назарбаевым.

Тем не менее, встречи и выступление в Гааге, важные сами по себе, — это всего лишь повод, но не причина беспрецедентной серии визитов председателя КНР и руководителя партии в важнейшие для Китая европейские страны и штаб-квартиры расположенных в Европе ключевых организаций. Комментируя визит Си Цзиньпина, китайские эксперты в области международных отношений подчеркивали последние изменения в отношениях КНР с ЕС, которые, по их мнению, свидетельствуют о выходе этих отношений на новый уровень. Это, во-первых, переход от торговли к взаимным инвестициям (при этом с 2012 г. по годовому объему инвестиций Китай превышает капиталовложения ЕС в КНР), активизация стратегического диалога (по мнению китайских экспертов, консультации КНР и ЕС по вопросам Африки, Центральной Азии, Латинской Америки и другим регионам свидетельствуют о том, что Европейский союз «преодолеет тень НАТО» и даже «пытается активно участвовать в делах по безопасности в АТР»²), а также желание Китая привлечь европейские страны к своим проектам Нового шелкового пути. Кроме того, китайская сторона продолжает надеяться на начало переговоров о создании совместной с ЕС зоны свободной торговли (пока у КНР такая зона существует на европейском континенте только со странами, не входящими в Евросоюз).

Попутно китайские комментаторы объяснили, почему ранее контакты осуществлялись в основном на уровне премьер-министров: «Китайский премьер «заведует» торгово-экономическими делами, кабмин ЕС — Европейская комиссия по внешней торговле, страны Европейского союза также осуществляют систему, которая основывается на головной роли премьер-министра, поэтому рабочий механизм китайско-европейских отношений заложен на уровне премьеров»³. Переводя «дипломатический» язык китайских комментаторов на общепринятый, можно сделать вывод, что председатель КНР решил лично включиться в процесс активизации сотрудничества с Европой, надеясь, что его статус и харизма позволят преодолеть существующие проблемы, приведшие в последние годы к определенной стагнации в отношениях КНР с ЕС.

Во время визита Председатель Си Цзиньпин представил в Европе «новую концепцию партнерства», позиционируемую как дипломатическую новацию нынешнего китайского руководства. Концепция подчеркивает, прежде всего, цивилизационные различия между Китаем и европейскими странами, которые, по мнению Пекина, с одной стороны, обеспечивают взаимодополняемость, а с другой — являются основой для взаимного уважения выбора каждой их сторон пути своего развития. Кроме того, новая концепция определяет статус сторон как «крупнейшей развивающейся страны» и «крупнейшего объединения развитых стран» в современном мире⁴. При этом Китай всемерно подчерки-

вает, что рассматривает Европу в качестве «важного полюса многополярного мира»⁵ в надежде, что ЕС окажется все-таки способным проводить в определенных областях самостоятельную политику, не зависящую от мнения Вашингтона. Он напоминает также о том, что среди стран ЕС есть два постоянных члена СБ ООН, что «делает китайско-европейское сотрудничество еще более значимым»⁶. В концепции подчеркивается необходимость перехода от чисто торговых отношений к наполнению сотрудничества «стратегическим содержанием». Именно в таком формате ставилась задача в статье Си Цзиньпина в «Франкфуртер альгемайне зонтагсцайтунг» во время визита⁷.

Одновременно Китай заявляет, что рассматривает сотрудничество с Европой как часть евразийского сотрудничества. И в Совместном заявлении об углублении китайско-европейских отношений всестороннего стратегического партнерства на базе взаимной выгоды и обоюдного выигрыша, опубликованном во время визита Си Цзиньпина в штаб-квартиру ЕС, большое внимание было уделено инициативе «экономического пояса» Шелкового пути, которая, по мнению сторон, открывает перспективы по осуществлению евразийской интеграции.

Отдельного рассмотрения требует сюжет об отношении Китая к украинскому кризису.

Как справедливо указывает в своей статье в журнале «Россия в глобальной политике» политолог Василий Кашин⁸, китайская политика по отношению к украинскому кризису формировалась под влиянием нескольких факторов, в числе которых: 1) возможное негативное влияние крымского прецедента на решение проблемы Тайваня; 2) негативное отношение КНР к поддерживаемым США «цветным революциям» и необходимость противостояния западному влиянию; 3) влияние кризиса на внешнюю политику и международное положение России и последствия этого для Китая; 4) интересы КНР на Украине. К этому можно было бы добавить также более общие интересы Китая в отношениях с европейскими странами и ЕС как политической и экономической структурой. Именно этим определяется сдержанность официальной позиции Пекина в кризисе и тот факт, что китайское руководство тщательно избегает того, чтобы его позиция интерпретировалась как поддержка одной из сторон в конфликте. Этот подход проявился и в ходе визита Си в Европу. Однако Пекину удалось не только представить украинскую проблему как глубоко второстепенную для китайско-европейских отношений (в ходе большинства переговоров она даже не поднималась), но заставить собеседников поверить в то, что Китай поддерживает именно их позицию.

Визит Ли Кэцзяна

Европейский вояж премьера Госсовета КНР Ли Кэцзяна состоялся вскоре после подписания в Шанхае, в ходе визита в Китай Президента РФ В.В. Путина, нашумевшего газового контракта между Китаем и Россией. В отличие от визита Си Цзиньпина, который, несмотря на подписание в ходе него ряда экономических соглашений, преследовал в основном все же политические цели, визит Ли Кэцзяна был направлен прежде всего на активизацию экономического присутствия Китая в Европе.

В ходе поездки, проходившей с 16 по 21 июня, Ли Кэцзян посетил Великобританию и Грецию, установив, как подчеркивают китайские комментаторы, «рекорд» не только по количеству, но и по качеству подписанных соглашений⁹. с такой оценкой нельзя не согласиться, поскольку некоторые из них действительно являются реальным прорывом в развитии экономического сотрудничества КНР с европейскими странами. В частности, с Великобританией Китаю удалось подписать соглашение о сотрудничестве в области атомной энергетики, контакты в этой области по-прежнему ограничиваются санкциями) и в строительстве высокоскоростных железных дорог. Последнее означает, что китайские технологии, многократно опробованные внутри страны, оказались востребованы в са-

мых развитых странах Европы. (За последние 10 лет Китай, как известно, покрыл сетью высокоскоростных железных дорог всю свою территорию, в результате чего протяженность этой сети превышает европейскую и японскую вместе взятые.) Однако еще более значимым стало соглашение о постепенном переходе в расчетах с Великобританией на юани и фунты стерлингов и об открытии в Лондоне банковского центра юаневых расчетов. Учитывая, что Лондон — один из мировых финансовых центров, значение этого факта сложно переоценить. При этом британский министр финансов Джордж Осборн во время китайско-британского финансового форума согласился с Ли Кэцзяном в том, что взаимодействие в области финансов является важнейшей составляющей сотрудничества двух стран, и выразил надежду, что юань «будет играть все более весомую роль в международной валютной системе»¹⁰. А премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон заявил, что Великобритания приветствует приток китайских средств и продолжит оказывать содействие переговорам по вопросу подписания европейско-китайского договора об инвестициях и изучению вопроса о создании зоны свободной торговли между ЕС и КНР¹¹.

Помимо этого, китайцам удалось договориться с Лондоном об определенном облегчении визового режима для граждан КНР — последние смогут использовать для поездок в Великобританию ирландские и шенгенские визы (постановление об этом было подписано правительством Кэмерона накануне визита¹²).

Главным содержанием визита Ли Кэцзяна в Грецию, которая на тот момент председательствовала в ЕС, явилось обсуждение дальнейшего сотрудничества в связи с греческим портом Пирей, которым китайская компания контейнерных перевозок COSCO управляла на правах аренды на 35 лет по договору, заключенному в 2009 г. Помимо этого, в рамках визита было подписано более 20 соглашений на общую сумму в 6,5 млрд долл.¹³

Инспекционная поездка Ли Кэцзяна в порт Пирей, несомненно, стала главным событием визита. По всем оценкам, китайцы намерены сделать этот порт одним из ведущих на Средиземном море и в Европе: с 2010 по 2013 г. они увеличили пропускную способность Пирея с 685 тыс. TEU (единица измерения, равная объему, занимаемому стандартным 20-футовым контейнером) до 2,52 млн, то есть в 3,7 раза¹⁴. Понятно, что по сравнению с крупнейшими портами мира (Сингапур — 25,6 млн, Шанхай — 25 млн, Гонконг — 21 млн, Шэньчжэнь — 18 млн TEU и др.) — это немного. Однако, по европейским меркам, порт Пирея уже вполне сопоставим с другими (крупнейший в Европе — Роттердам — 10 млн TEU, крупнейший российский терминал контейнерных перевозок в Санкт-Петербурге — не более 500 тыс. TEU). Судя по всему, Китай решил активизировать развитие порта в Греции, реагируя на непонятную пока ситуацию со строительством глубоководного порта в Крыму, который считался вторым крупнейшим китайским инвестиционным проектом в мире после строительства канала в Никарагуа. Это свидетельствует о том, что Пекин не склонен «класть яйца в одну корзину» и способен гибко реагировать на изменения мировой политической и экономической конъюнктуры.

Президент Самарас подчеркнул в ходе встречи с Ли Кэцзяном, что «Греция должна стать для Китая воротами в Европу»¹⁵. Впрочем, нестабильная политическая ситуация в Греции (оппозиция жестко критикует правительство Самараса, выставившее на торги 16 портов и другое госимущество, что может привести к смене этого правительства уже осенью текущего года¹⁶), возможно, заставит китайскую сторону в скором времени вернуться к обсуждению крымского проекта. Но пока Китай договорился с Грецией о строительстве аэропорта на Крите, а также ведет переговоры по поводу виз и прав проживания для китайцев, участвующих в вышеназванных проектах¹⁷.

Тактика

Если рассматривать отношения КНР с европейскими странами в историческом контексте, то налицо изменения в отношении китайского руководства к европейскому направлению своей внешней политики. Дело в том, что европейское направление внешней политики КНР, которое в первом десятилетии нынешнего века было одним из лидирующих, с началом второго десятилетия стало постепенно отходить в тень.

Десять лет назад Китай рассматривал Европу как плацдарм для продвижения своих геополитических и экономических интересов¹⁸, как одно из главных направлений «мирного возвышения» Китая, а хорошие отношения с ЕС и крупными европейскими странами — как один из главных факторов повышения своего авторитета и влияния в мире¹⁹. Этим объяснялось пристальное внимание китайского руководства к позиции ЕС и европейских лидеров и стремление учесть требования со стороны европейцев в собственной внешней, а иногда и внутренней политике. Переоценка важности европейского направления во внешней политике КНР произошла, видимо, в 2005–2006 гг. Именно тогда в ответ на неспособность руководства ЕС решить в отношениях с Китаем оставшиеся от прошлого проблемы — в первую очередь ликвидировать эмбарго на поставки оружия в Китай и признать, наконец, КНР страной с рыночной экономикой — Пекин постепенно начал все более жестко реагировать на замечания европейцев относительно его внутренней политики и на обвинения в торговом демпинге. Одновременно с приобретением самостоятельного и более важного значения другими направлениями китайской дипломатии Европа, раздираемая внутренними проблемами и все более впадающая в экономический кризис, стала для Китая менее интересной, продолжая при этом оставаться крупнейшим (после США) торговым и экономическим партнером КНР в мире²⁰.

Экономический и финансовый кризис 2008 г., затронувший европейцев в наибольшей степени, способствовал стремительному нарастанию данной тенденции и привел к кардинальной переоценке в Пекине роли ЕС и Европы в мире, несмотря на то, что относительный удельный вес стран ЕС в общем объеме торгово-экономического сотрудничества Китая с остальным миром с 2008 г. даже несколько вырос. Начиная с 2009 г. делегации ЕС и отдельных европейских стран выступают в Пекине все чаще в роли просителей экономической помощи (не переставая, впрочем, поучать китайцев по поводу прав человека и ситуации в Синьцзяне и Тибете). В то же время Китай в результате мирового экономического кризиса упрочил свое положение, превратился во вторую сверхдержаву мира и стал все более осознавать себя именно в этом качестве. Ко всему добавились торговые споры, в ходе которых изменение в соотношении сил проявилось особенно ярко. Один из последних примеров — спор относительно поставок в страны ЕС солнечных батарей из Китая летом 2013 г. в ходе которого выяснилось, что Китай занимает на этом рынке доминирующее положение и вполне может диктовать свои условия²¹. Кроме того, китайская сторона все чаще начала инициировать собственные антидемпинговые расследования в отношении товаров из Европы. Все это привело китайское руководство к определенной переоценке роли Европы в мировых делах и важности европейского направления для внешней политики Пекина, вызвав стагнацию и даже ухудшение в отношениях Китая с ЕС, пик которого пришелся, по-видимому, как раз на 2012–2013 гг. Кстати, возможно, что дополнительным фактором было также то, что именно на этот период пришлась смена руководства не только в Китае, но и в ведущих странах Европы (в данном случае включая РФ). Новое руководство КНР, судя по всему, после 3-го Пленума ЦК КПК 18-го созыва, прошедшего в ноябре 2013 года и резко активизировавшего процесс реформ внутри страны, приняло решение о проведении также более активной внешней политики. В том числе, и на европейском направлении. Возможно, этому способствовали и конфликты с Японией и странами ЮВА, связанные с территориальными спорами (как

указывают комментаторы, Япония пыталась и пытается добиться поддержки своей позиции со стороны G-7 и ЕС в своих спорах с Китаем²²).

При этом нельзя не отметить, что Пекин в своей политике широко использует самые различные лозунги, которые должны быть привлекательны для европейцев. Это — и уже упоминавшийся тезис о взаимодополняемости цивилизаций (в изложении Ли Кэцзяна он звучал как «совмещение различий»), и концепция «нового шелкового пути» из Европы в Китай (включая «морскую составляющую», в рамках которой находится место и Германии, и Греции), а также прозвучавшие в ходе поездки Ли Кэцзяна новые предложения — «За толерантное развитие и мир!» (так называлось выступление Ли в Лондоне перед сотрудниками Королевского института по изучению международных дел и Лондонского международного института стратегических исследований), концепция Средиземного моря как «моря мира, сотрудничества и гармонии» (из выступления Ли Кэцзяна на форуме по китайско-греческому морскому сотрудничеству). Одновременно Китай продолжает играть на противоречиях внутри ЕС, активно используя экономические рычаги для того, чтобы перетянуть на свою сторону те страны Европы (Южная, Центральная и Восточная Европа), которые больше всех пострадали от экономического кризиса. В частности, активно используя созданный несколько лет назад отдельный форум КНР — страны ЦВЕ: очередное совещание на уровне министров торговли в рамках этого форума прошло в начале июня 2014 г. в китайском городе Нинбо²³. На совещании было отмечено, что в 2013 году общий товарооборот Китая со странами ЦВЕ составил 55,1 млрд долларов, то есть вырос по сравнению с 2012 годом почти на 6%²⁴. При этом структура торговли все больше принимает форму европейских поставок продовольствия в обмен на китайские технологии. Как подчеркивается в итоговом документе, «стороны четко обозначили в качестве важных принципов стимулирование свободной торговли, противостояние торговому протекционизму во всех его формах, поощрение разрешения торговых конфликтов путем диалога и консультаций, продвижение крепкого и стабильного развития торгово-экономических отношений между Китаем и странами Центральной и Восточной Европы»²⁵. Помимо этого, Китаю удалось использовать украинский кризис для повышения собственного авторитета, заняв позицию «верховного арбитра», стоящего над схваткой (несмотря на определенные экономические потери в связи с кризисом).

Стратегия

Как подчеркивают китайские политологи, европейское наступление КНР является стратегическим решением, предпринятым в ответ на активизацию политики и присутствия США в Восточной и Юго-Восточной Азии. Перечисляя изменения, происходящие в политике США в Азии, китайские комментаторы называют это «осадой» Китая и провоцированием роста напряженности в регионе. По их мнению, соглашение о Транс-Тихоокеанском партнерстве (ТТП) и Соглашение о Транс-Атлантическом партнерстве (ТАП) имеют своей целью стратегическое сдерживание и изоляцию Китая в торгово-экономической сфере²⁶. Другими словами, активность Китая на европейском направлении представляет собой контрнаступление в духе известных изречений Сунь Цзы и «Военного канона» Цзе Сюаня²⁷. «Если США идут на восток, то Китай должен идти на запад», чтобы предотвратить «осаду» со стороны США. Повышение уровня отношений с Европой и стимулирование создания Нового Шелкового пути со странами Евразии как раз соответствует данной идее и в определенной степени нейтрализует многочисленные политические достижения стратегии США в АТР²⁸.

В том, что «учащение визитов китайских руководителей в Европу ставит перед собой целью не только бизнес», с китайскими комментаторами нельзя не согласиться. Китай, действительно, сегодня в отношениях с Европой надеется на повышение уровня

стратегического сотрудничества, усиление контактов и сотрудничества в международных и региональных делах, «совместное продвижение мира и процветания в мире путем углубления торгово-экономических связей». И в случае с Японией этот подход показал свою действенность — европейские страны и ЕС в целом заняли в конфликте скорее нейтральную позицию. Однако в целом, на мой взгляд, такой подход является заведомым сужением контекста. Европейское направление, видимо, стоит рассматривать в рамках общего всестороннего наступления Китая на всех фронтах, стремления играть по всему полю, на всех клетках, при этом не забывая главного направления — борьбы с США за лидерство в мире. По сути мы наблюдаем окончательный переход китайского руководства от политики «не высовываться» к политике активной игры на международной арене с использованием всех доступных сил средств: политических, экономических, дипломатических. В рамках этой же стратегии находится и более активное сближение с РФ и, в целом, со странами БРИКС. Недавно прошедший саммит стран БРИКС в Бразилии показал это как никогда ярко. В рамках этой стратегии и нужно рассматривать активизацию усилий на европейском направлении — как ответ США там, где они меньше всего могли ожидать. Однако считать это новой стратегической установкой и, вслед за китайскими политологами, испытывать чрезмерный оптимизм по поводу будущего отношений КНР и ЕС²⁹ было бы, на мой взгляд, неправильно. Как только китайская сторона поймет, что продвижение Китая в Европе имеет свои границы, определяемые отнюдь не европейцами, в отношениях КНР — ЕС наступит новое охлаждение. Пока мы наблюдаем то, что в Китае называют новой «китайской волной», проводя соответствующие аналогии с XVIII веком, когда Европа переживала бум увлечения Китаем³⁰. Однако сегодняшний мир меняется быстро...

1. URL: russian.china.org.cn, 25.06.2014.
2. Стратегические возможности китайско-европейских отношений // Жэньминь жибао онлайн. 24.03.2014.
3. Там же.
4. URL: russian.china.org.cn, Комментарий директора Центра по исследованию европейских вопросов Университета Фудань Дин Чуня. 14.05.2014.
5. Синьхуа. 23.03.2014.
6. Жэньминь жибао он-лайн. 02.04.2014. Комментарий Ван Ивэя, профессора Института международных отношений Народного университета Китая, заместителя директора Центра исследований ЕС.
7. Синьхуа. 28.03.2014.
8. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Blagozhelatelnyi-balans-16589>.
9. Синьхуа. 22.06.2014.
10. Синьхуа. 19.06.2014.
11. Синьхуа. 18.06.2014.
12. «Жэньминь жибао онлайн. 17.06.2014.
13. Российская газета. 2014. 23 июня. URL: <http://www.rg.ru/2014/06/23/greece-site.html>.
14. Синьхуа. 2014. 19 июня.
15. Российская газета, 23.06.2014. 23 июня. URL: <http://www.rg.ru/2014/06/23/greece-site.html>.
16. Там же.
17. Синьхуа. 2014. 2006.
18. URL: <http://www.odnako.org/almanac/material/evropa-i-rossiya-v-globalnom-protivostoyanii-ssha-i-kitaya/>
19. См.: Zhang Yongan, Chang Fengmin. Oumeng duihua zhengce yu zhongguo guanxi [Политика ЕС по отношению к Китаю и китайско-европейские отношения] // Shishi chubanshe. Beijing, 2012. P. 2–5.

20. Заметим, что примерно в то же время (в середине первого десятилетия нынешнего века) произошла и переоценка важности отношений с Европой в руководстве РФ, переход от европоцентризма как основы внешней политики России к более сбалансированной позиции. Этот факт открыто признал президент РФ В.В.Путин в своем выступлении по поводу присоединения Крыма. См.: <http://newsint.ru/video/vystuplenie-vladimira-putina-18-marta-2014-smotret-onlajn-video.html>.
21. См. А.О.Виноградов. URL: <http://www.odnako.org/blogs/k-novomu-obostreniyu-mezhdu-kitaem-i-es/>.
22. См. статью заместителя руководителя Отдела по изучению международных стратегий Китайского института международных проблем Су Сяохуэя в «Жэньминь жибао», <http://inosmi.ru/europe/20140617/221070271.html>.
23. Синьхуа: 8.06.2014.
24. URL: russian.news.cn. 09.06.2014.
25. Там же.
26. URL: russian.china.org.cn, 25.06.2014.
27. *Цзе Сюань*. Военный канон в ста главах (пер. и коммент. В. Малявина). М., 2011.
28. URL: russian.china.org.cn. 25.06.2014.
29. «Отношения Китая и Европы в последние годы показывают, что Китай уже определил путь углубления стратегического сотрудничества с Европой, это — закрепление стратегической основы путем развития делового сотрудничества. При сохранении общей ориентации Китая и Европы ожидается лишь углубление отношений между Китаем и Европой на стратегическом уровне, так Китай и Европа смогут проявить еще большую роль в многополярном мире». Там же.
30. URL: inoCMI.ru 06.12.2013.